

О Ростовском Рождественском монастыре в XVIII веке

A. E. Виденеева

Мне хотелось бы рассказать о жизни Ростовского Рождественского монастыря в XVIII столетии. Я намеренно старалась не касаться внешних событий его истории, а обратилась к рассмотрению внутренней стороны монастырской жизни и попыталась найти ответы на два вопроса - кто жил в Рождественском монастыре в XVIII веке и как им жилось.

В 1858 г. монастырский священник Аристарх Израилев опубликовал описание Рождественского монастыря - серьезное исследование, основанное на хорошем знании монастырского архива. В своей работе он, в частности, упомянул о выводе монашеской общины из Рождественского монастыря в Троице-Варницкий и ее возвращении через шесть лет обратно, указал численность сестер, проживавших в обители, дал характеристику средствам содержания монастыря и перечислил настоятельниц¹.

Документальной основой для настоящей работы послужили адресованные в монастырь указы ростовских архиереев и распоряжения духовной консистории, монастырские приходно-расходные книги и ведомости о монашествующих, а также консistorские дела, посвященные приему в монастырь, пострижению в монашество, замене настоятельниц и казначей, переводам монахинь и разбирательствам по поводу различных непорядков. Отмечу, что от XVIII в. сохранилось не так уж много монастырских документов, уцелели, в основном, источники, относящиеся к трем последним десятилетиям.

В XVIII столетии, до 1764 г. Рождественский монастырь являлся приписанным к Ростовскому архиерейскому дому и состоял на его содержании. Из архиерейских житниц выделялись хлебные оклады для монахинь, послушниц и монастырских причетников, из архиерейской казны им же платилось денежное жалованье, а также перечислялись деньги "на церковные потребы" и ремонтно-строительные расходы. Важно подчеркнуть, что в Ростовской епархии это был единственный женский монастырь, приписанный к архиерейскому дому².

После монастырской реформы 1764 г. Рождественский монастырь, как и все штатные монастыри России, перешел на государственное обеспечение. Он был причислен к монастырям третьего класса, в соответствии с чем из казны на его содержание ежегодно выплачивалось 375 руб. 3/4 от этой суммы (280 руб.) составляло жалованье штатных сестер, причта и служителей. Помимо Рождественского в Ростовской епархии были оставлены еще два женских монастыря - Казанский в Ярославле и Богоявленский в Угличе. Как и ростовский монастырь, они были третьеклассными³.

До конца XVIII в. Рождественский монастырь оставался необщежительным. Во всяком случае, в его укладе отсутствовали два главных условия, определяющих наличие общежительного устава - общность жилья и общая трапеза. Сестры содержались за счет монастыря, но, судя по всему, распоряжались своим жалованьем по собственному усмотрению. Частная собственность на кельи в монастыре стала запрещаться только в самом конце XVIII в.⁴ Общая трапеза в известных мне источниках XVIII в. ни разу не упомянута.

Насельницы Рождественского монастыря делились на монахинь (стариц) и послушниц (белиц), или, иными словами, на принявших монашеский постриг и ожидавших его. Монахини составляли основу обчины и занимали все должностные посты. Белицам предписывалось находиться у стариц "в послушании и подчинении".

Число монахинь Рождественского монастыря в течение XVIII в. не оставалось неизменным, а постепенно, но неуклонно уменьшалось. В 1702 г. в монастыре числилась 91 старица, в 1733 г. - 68. Перед реформой 1764 г. в обители находилось более 35 монахинь. По реформе в монастыре, помимо настоятельской и казначейской должностей утверждалось 15 монашеских вакансий. Остальные старицы числились заштатными. В разное время их было от 5 до 15 человек. Следовательно, всего в последней четверти XVIII в. в монастыре было от 20 до 30 монахинь⁵. Таким образом, с начала до конца XVIII столетия число стариц уменьшилось более чем в три раза.

Количество послушниц труднее поддается учету, поскольку в монастырских списках XVIII в. их имена не указаны. Известно, что перед 1764 г., число послушниц достигало 40 человек, при этом 2/3 из них получали жалованье, а треть - жили в монастыре "на своем пропитании"⁶.

В целом структуре обчины Рождественского монастыря была присуща характерная для монашеских сообществ строгая иерархичность. Во главе обители стояла настоятельница в сане игумены. В течение недолгого периода, с 1725 по 1736 гг., монастырем управляли наместницы⁷. Настоятельница не имела права самовольно, без ведома архиерея, решать вопросы, связанные с пострижением в монашество и приемом в монастырь монахинь и послушниц. Она не могла единолично, без совета с казначеей и старшими сестрами, распоряжаться монастырской казной. Во всем остальном в своей обители настоятельница являлась полновластной хозяйкой. Старицам и белицам, монастырским служителям и всем, сосланным в подначальство, следовало быть у настоятельницы "во всяком послушании без прекословения". В свою очередь, она должна была иметь за ними "неослабный присмотр", с тем, чтобы они "житие имели благочинное, и никаких своевольных невоздержанностей отнюдь не чинили". Ну, а если кто "в слабостных и невоздержанных поползновениях будет являться", таковых ей, игумене, следовало "по монастырскому обыкновению смирять"⁸. Судя по всему, наказывать в монастыре умели. Подтверждением этого служит упоминание о по-

купке в марте 1736 г. двух ременных плетей именно для "для смирения винных"⁹. О том, как это происходило, известно, в частности, из архиерейских указов. К примеру, в декабре 1732 г. архиепископ Иоаким прислал в монастырь пойманную в Москве беглую монахиню Ростовской епархии Феону, с предписанием "учинить ей плетьми довольноное наказание". В соответствии с архиерейским требованием, ее пороли публично, при собрании всех монахинь, "дабы как ей, так и прочим на то смотря впредь так бес позволения нигде волочится было неповадно"¹⁰.

Возвращаясь к обязанностям настоятельниц, следует подчеркнуть, что их главной заботой являлось "исправное и рачительное" ведение порученного ей хозяйства. В целом, как отмечено в одном из консисторских указов, игуменья была обязана иметь "крепкое смотрение, дабы во оном монастыре совершенная тишина и доброй во всем порядок, соответствующий монастырскому благочинию был наблюдался"¹¹.

Настоятельниц в Рождественском монастыре избирали сами монахини. Кандидатура подбиралась из числа старших сестер. Монахиня, претендующая на пост игуменьи, должна была соответствовать определенным требованиям: иметь длительный стаж пребывания в монастыре, вести соответствующий монашескому чину образ жизни, знать и строго соблюдать монашеский устав, быть грамотной. Большое значение имело наличие организаторских качеств, способность правильно управлять монастырем¹². К примеру, в феврале 1736 г. несколько монахинь обратились к архиепископу Иоакиму с прошением о назначении настоятельницей монахини Евдоксии Козьминой - опытной и строгой старицы. В то же время другие монахини, склонные к более свободному образу жизни, желали иметь настоятельницей монахиню Евпраксию, "надеясь, что она содержать их будет не так твердо". Архиерей, разумеется, предпочел взвести в игуменьи ту монахиню, которая была способна навести в обители настоящий порядок¹³. В последней четверти XVIII в. особое внимание при выборе настоятельницы обращалось на происхождение, и явное предпочтение отдавалось дворянкам. В 1779 г., архиепископ Самуил, подбирая достойную кандидатуру на должность настоятельницы Рождественского монастыря, искал монахиню непременно "из благородных"¹⁴.

Итак, по архиерейскому распоряжению монахини избирали настоятельницу. Заручный выбор сестер, содержащий, как правило, только одно имя, отсыпался в духовную консисторию. Вызванная в консисторию, будущая игуменья "свидетельствовалась" - проходила проверку на способность управления монастырем. При одобрении консистористов архиерей утверждал монахиню в должности настоятельницы и поручал произвести над ней обряд посвящения в игумены¹⁵.

В течение XVIII в. в монастыре сменилось 9 настоятельниц. Одна из них оставалась игуменьей более полувека - случай редчайший, у другой игуменский стаж составил четверть столетия. Троє управляли монастырем от

14 до 18 лет, четверо находились у власти от одного года до пяти лет¹⁶.

Вторым лицом после настоятельницы в системе монастырской иерархии являлась казначея. В ее ведении находились монастырские финансы. Судя по инструкции, которую получила монахиня Девора при назначении на казначейскую должность в конце 1760-х гг., монастырскую казну следовало содержать в удобном и безопасном месте, под замком и монастырской печатью. Ящик, в котором хранились монастырские деньги, казначею позволялось распечатывать только в присутствии игумены и старших стариц. На монастырские нужды разрешалось вынимать единовременно не более 10 руб., на расходование больших сумм требовалось получить разрешение архиерея. Приход и расход денег казначея была обязана фиксировать в приходно-расходных книгах, которые ежемесячно проверялись настоятельницей, а по истечении года просчитывались в духовной консистории. Помимо денег казначея, наряду с игуменьей, несла ответственность за "казенное имущество" и "казенные письменные дела". Казначейская должность являлась выборной. Казначей выбирали и утверждали по тем же правилам, что и игумений¹⁷.

Важно отметить, что из числа сестер Рождественского монастыря избирались настоятельницы и казначеи для других женских монастырей Ростовской епархии. Так, община Рождественской обители дала четырех игумений для Угличского Богоявленского монастыря: в марте 1737 г. (имя в документах не указано)¹⁸, в марте 1753 г. - Августу¹⁹, в мае 1767 г. - Матридию²⁰, в июне 1782 г. - Павлу²¹. В январе 1740 г. монахиня Рождественского монастыря Евпраксия была утверждена в должности настоятельницы Троице-Борского монастыря Ростовского уезда²². В мае 1755 г. рождественская монахиня Девора стала игуменьей Ярославского Казанского монастыря²³. Подобным образом монахини Рождественского монастыря нередко избирались казначеями для ярославских, угличских и пошехонских женских монастырей. К примеру, в начале июля 1753 г. насельницы Рябининой Пошехонской пустыни в доношении сообщили митрополиту Арсению, что после смерти казначеи Параскевы им некого избрать на эту должность. Архиерей распорядился выбрать подходящую монахиню из сестер Рождественского монастыря²⁴.

В то же время настоятельниц в Рождественский монастырь ставили только из своих монахинь. Более того, когда в самом Рождественском монастыре после смерти игумены Измарагды в 1779 г. открылась настоятельская вакансия, для ее замещения архиепископ Самуил объявил конкурс, потребовав представить к нему на рассмотрение достойнейших кандидаток из всех женских монастырей, а утверждения была удостоена проживавшая в Рождественском монастыре монахиня Августа²⁵. В 1794 г. новую настоятельницу для Рождественской обители "выписали" из Москвы - по требованию ростовского архиепископа Арсения монахиня Московского Вознесенского монастыря была переведена в Ростовскую епархию и возглавила рож-

дественскую общину²⁶. Как видим, Рождественский монастырь был настоящей кузницей управленческих кадров для женских монастырей епархии, что являлось еще одной его особенностью, выгодно отличавшей эту обитель от других.

В монашеской общине Рождественского монастыря на особом положении находились соборные или старшие старицы. В разное время их насчитывалось от одной до трех. Они образовывали особый совещательный орган при игуменье и участвовали в управлении монастырем²⁷.

Среди принявших постриг насельниц выделялись крылошанки - старицы, которые принимали участие в богослужении, пели на клиросе²⁸. Подобно тому, как в мужских монастырях привилегированное положение имели иеромонахи и иеродиаконы, в женских обителях более высокий статус отличал монахинь-крылошанок.

Перейдем к рассмотрению положения послушниц. Основным условием поступления в монастырь в качестве послушницы являлось благословение архиерея. Также требовалось согласие настоятельницы с сестрами. Крепостным крестьянкам и дворовым необходимо было иметь отпускную от своих хозяев. Желательным являлось принесение вклада²⁹.

Среди послушниц Рождественского монастыря имелось немало родственниц архиерейских дворян, подъячих и служителей, а также крестьянок архиерейской вотчины. К примеру, только в течение одного 1759 г. белицами в обитель были определены две вдовы и дочь архиерейских дворян, вдова архиерейского служителя и сестра архиерейского повара. В указе об определении одной из них, Надежды Коровиной, прямо сказано, что она принимается в число рождественских белиц "за долговременную службу ее отца и брата"³⁰. Разумеется, всем другим путь в этот монастырь был не был заказан, но, по всей видимости, девицам и вдовам из семей, представители которых служили в архиерейском доме, все-таки отдавалось некоторое предпочтение.

Известны случаи, когда в монастырь уходили всей семьей, точнее, женской половиной семьи. Так, в 1769 г. в обитель белицами были приняты Елена Борисова, вдова стряпчего Ростовского Авраамиевского монастыря Ивана Иванова с. Майкова, с двумя дочерьми Анисьей и Марфой³¹.

Положение послушниц определялось тремя главными требованиями, предъявляемыми к ним - состоять у игумены с сестрами "в надлежащем повиновении", выполнять монастырские послушания и находиться в монастыре "неисходно", то есть не покидать его пределы. Каждая белица поручалась особому присмотру одной из стариц³².

Судя по монашеским ведомостям и консисторским делам о пострижении, в монастыре старались выдерживать утвержденный Духовным регламентом возраст пострижения, как правило, насельницы удостаивались монашеского чина не ранее достижения ими 50-летнего возраста³³. Следовательно, в послушницах в Рождественском монастыре ходили подолгу.

Местами проживания насельниц служили кельи. Настоятельницы и казначеи имели особые кельи, они именовались игуменской и казначайской, принадлежали монастырю и отапливались за казенный счет. Сестры, в большинстве своем, жили в принадлежащих им кельях на собственном содержании. Прежде, чем получить право на пребывание в монастыре, женщины заботились о месте, где они будут жить - строили новые кельи или покупали жилье, освобождавшееся после смерти или выхода насельниц³⁴. Каждая из сестер устраивалась в меру своих финансовых возможностей - более состоятельные селились просторно, неимущие занимали менее удобные помещения. Некоторые белицы из дворянок держали при себе дворовых девок. Так, при послушнице Надежде Дашковой в 1761 г. проживало пятеро служанок³⁵. Для тех, кто был не в состоянии заплатить за жилье, имелись казенные кельи. К примеру, в 1769 г. под кельи "для призрения старых и убогих" за монастырский счет были выкуплены обширные жилые постройки, оставшиеся после смерти Надежды Дашковой³⁶. Впрочем, к концу XVIII в. частные кельи стали закрепляться за монастырем. В 1787 г. ростовский архиепископ Арсений распорядился в необщежительных женских монастырях своей епархии кельи, находившиеся в частном владении, считать монастырской собственностью³⁷.

По свидетельству документов последней четверти XVIII в., в монастыре был заведен такой порядок, чтобы монахини поселялись вместе с послушницами - в каждой келье жили старица и белица. Таким образом, более молодые послушницы принимали на себя заботу о престарелых монахинях, которые, в свою очередь, наставляли их, постепенно "приобучая" к монашеской жизни³⁸.

Наиболее распространенными видами нарушений монастырского порядка являлись несанкционированные отлучки из монастыря и пьянство. За неисходное содержание монахинь в монастыре отвечали настоятельницы. Так, за самовольное разрешение монахиням на какое-то время отлучаться из монастыря наместница Есфирь в 1736 г. была разжалована в рядовые старицы с запрещением ей впредь занимать какие-либо должностные посты³⁹. С пьянством в обители боролись особыми мерами - монахинь, уличенных в склонности к алкоголю, переводили в другие монашеские общины, а пьющих послушниц просто выгоняли из монастыря⁴⁰.

На территории монастыря располагалось кладбище для сестер. Летом 1772 г. по распоряжению епископа Афанасия оно было закрыто, а для захоронения рождественских насельниц определялись два загородных монастыря - Троице-Варницкий и Петровский⁴¹. По всей видимости, запрещение хоронить умерших в Рождественском монастыре, находившемся в самом центре города, было связано с эпидемией чумы 1771 г.

Рождественский монастырь имел собственный причт. Церковные службы в монастырском соборе и его приделах отправляли 3 - 4 священно-церковнослужителя. Платой за их труды служило штатное жалованье. В первой

половине XVIII в. в состав монастырского причта входили священник, диакон и дьячок. После реформы 1764 г. вместо диакона в штат был включен второй священник, но на деле одну из священнических ставок занимал диакон, была также введена должность пономаря. Обычно члены монастырского причта проживали неподалеку от монастыря⁴².

Известны факты, свидетельствующие о том, что поведение монастырских священнослужителей не всегда находилось на высоте, соответствующей их сану и особому месту служения. Так, в первой половине 1770-х гг. священник Иоанн за пьянство и раздоры с монахинями был отправлен в подначальство в Ростовский Авраамиевский монастырь, а священник Федор Васильев, уличенный в краже значительной суммы монастырских денег, был наказан отрешением от монастыря и запрещением права священнослужения. Разумеется, оба приведенных случая являлись из ряда вон выходящими⁴³.

Духовниками монахинь и послушниц являлись назначаемые ростовскими владыками иеромонахи. Один духовник на протяжении нескольких лет исповедывал всю общину. Как правило, должность монастырского духовника занимали священнослужители архиерейского дома. Из десяти известных мне духовников XVIII в. шестеро были штатными архиерейскими иеромонахами⁴⁴.

Рождественский монастырь, наряду с выполнением своих основных функций, как и многие русские монастыри в XVIII в., использовался в качестве места ссылки. Он служил местом содержания женщин, которые по приговору духовного суда отбывали наказание за определенные проступки и преступления. К примеру, в 1737 г. вдова Марина Андреева, жена военного писаря, уличенная в неверности мужу, после развода была наказана трехлетним пребыванием в Рождественском монастыре с условием ее использования в тяжелых "хлебных трудах". В июне 1769 г. в подначальство поступила вдова Анна Леонтьева, дворовая пошехонских помещиков Масловых, которая за убийство без крещения своего новорожденного ребенка была осуждена на три года монастырских трудов с запрещением входить в церковь и причащаться⁴⁵. Порой в монастырское заключение попадали и монахини. Так, с 1763 г. в Рождественском монастыре проживала бывшая монахиня Троице-Борского монастыря Елисавета, расстрига Ефимия, которая в 1753 г. "за блудное грехопадение" была лишена монашеского чина. После трех лет ее пребывания в Рождественском монастыре и по истечении тринадцати лет со времени ее наказания, "при усмотрении в ней добропорядочного жития", монашество ей было возвращено⁴⁶.

Существовала практика определения в монастыри для содержания в заключение людей, исповедавших старообрядчество, или, как их называли в официальных документах, раскольников. В Рождественском монастыре во второй половине 1730-х гг. находились две раскольницы - Александра Григорьева и Измарагда Исаева. Измарагде удалось из монастыря бежать, но

ее поймали и в июле 1740 г. вернули на прежнее место. Раскольниц в монастыре предписывалось содержать под караулом, днем скованных, а ночью прикованных к стене. Между тем, не везде со старообрядцами поступали так строго. Игуменья Троице-Борского монастыря Ростовского уезда Анфиса даже отпускала содержащуюся в ее монастыре жену ярославского подьячего раскольнику Устиню Иванову в Ярославль для свидания с детьми. Правда, за это в сентябре 1739 г. настоятельница поплатилась лишением игуменства⁴⁷.

В заключение следует подчеркнуть, что в XVIII столетии Рождественский монастырь среди женских монастырей Ростовской епархии занимал одно из ведущих мест. Во многом это обуславливалось его особым положением - он находился в административном центре епархии - кафедральном или епархиальном городе и до 1764 г. являлся приписным к архиерейскому дому.

*

¹ Израилев А. Описание Ростовского Ярославской губернии Рождественского девичьего монастыря. СПб., 1858. С. 30 - 35, 39 - 40, 42 - 45.

² Израилев А. Указ. соч. С. 34 - 35; РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 61 - 61 об.; Д. 7. Л. 2 - 4.

⁴ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 185 - 185об., 464; Д. 9. Л. 8.

⁵ Израилев А. Указ. соч. С. 30; Виденеева А.Е. Монахини Ростовского Рождественского монастыря в 1733 г.// СРМ. Ярославль, 1995. Вып. VIII. С. 75 - 90; См., напр.: РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 169 - 171; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 506. Ч. 1. Л. 57об. - 58.

⁶ Израилев А. Указ. соч. С. 30; РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 62; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 506. Ч. 1. Л. 58 - 58об.

⁷ Израилев А. Указ. соч. С. 43 - 44.

⁸ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 47об. - 48об.

⁹ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

¹⁰ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹¹ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 47об. - 48об.; Ф. 197. Оп. 1. Д. 7161. Л. 1об.

¹² РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 45об.

¹³ Там же. Л. 47 - 47об.

¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 7161. Л. 11 - 12об.

¹⁵ См., напр.: РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 45 - 45об.

¹⁶ Израилев А. Указ. соч. С. 42 - 45.

¹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 258 - 259об.; Д. 6. Л. 234 - 234об., 382.

¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

¹⁹ Там же. Л. 400.

²⁰ Там же. Л. 128.

²¹ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 382.

²² РФ ГАЯО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 223. Л. 127.

²³ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 431 - 432.

²⁴ Там же. Л. 402.

²⁵ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 7161. Л. 11 - 12об.

²⁶ РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2277. Л. 10об - 11.

²⁷ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об., Д. 6. Л. 170.

²⁸ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 169 - 170.

²⁹ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 155, 180; Ф. 197. Оп. 1. Д. 1152. Л. 4.

³⁰ РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 477, 478, 479, 481, 482, 484.

- 31 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 187.
 32 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 396; Ф. 197. Оп. 1. Д. 8337. Л. 3об. - 4.
 33 РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 8530. Л. 3об.
 34 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 461, Д. 6. Л. 185 - 185об.; Д. 9. Л. 8.
 35 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
 36 Там же. Л. 185 - 185об.
 37 Там же. Л. 464.
 38 РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 8337. Л. 1, 3об. - 4.
 39 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.
 40 РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 8337. Л. 1, 5.
 41 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 23об.
 42 Израилев А. Указ. соч. С. 34 - 35; РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 7. Л. 3об.
 43 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 247; Ф. 197. Оп. 1. Д. 5805. Л. 3, 21.
 44 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 60, 460, 476; Д. 6. Л. 16, 79, 248.
 45 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 73; Д. 6. Л. 186.
 46 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 6. Л. 123.
 47 РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об.; Д. 1. Л. 66, 138, 119.